

Классы и типы в археологии: размышления о книге Е. М. Колпакова

Книги начала 90-х и нынешние. В 2013 г. вышла вторым изданием книга Е. М. Колпакова «Классификация в археологии». Автор объединил в ней две свои прежние книги — «Теорию археологической классификации» (1991) и словарь (Бочкарев, Колпаков 1991), в котором он был основным составителем. Со времени первого издания, совпавшего с русским изданием моей книги на ту же тему (Клейн 1991), прошло больше двух десятилетий. Объем новой книги примерно равен совокупному объему предшествующих. В тексте Колпакова есть изменения, но не принципиальные.

По его мнению, ничего существенного с тех пор в литературе не появилось (с. 6). На мой взгляд, несколько заметных книг с тех пор все-таки вышло (Adams, Adams 1991; Welinder 1991; Minta-Tworzowska 1994; Ковалевская 1995). Кроме того, появились и книги, на мой взгляд, не самого высокого уровня, но опубликованные в авторитетных центрах (Щапова 2000; Холюшкин, Гражданников 2000; Холюшкин 2010). На почти все эти книги я счел необходимым отозваться рецензиями (Клейн 1998; 1999а; 1999б; 2000; 2005), в новой книге Колпакова из них упомянута только книга Адамсов. По всем этим причинам мне интереснее сравнивать новую книгу Колпакова не с предшествующими изданиями, а с моей книгой, которой она была противопоставлена и остается таковой.

Наши взаимоотношения с Колпаковым являются загадочными для наблюдателей издали — для москвичей, новосибирцев или киевлян. Поскольку Колпаков на каждый мой новый труд (когда их было немного) откликнулся либо язвительной рецензией, либо книгой, в которой, по крайней мере, часть моих основных положений отвергается, такие наблюдатели были уверены, что мы давно разругались вдрызг. А на деле сохранялись самые теплые отношения. По крайней мере, часть его первого издания печаталась на моей пишмашинке (у него тогда были нелады с собственной машинкой), а второе издание я всячески проталкивал в издательство Евглевского и книга уже была принята к изданию. Я очень жалею, что Колпаков не сумел этим воспользоваться: издание было бы технически значительно лучше: в твердой обложке, достойным тиражом (а не в 200 экземпляров), с выверенным текстом (там ведь есть и технический редактор, и литературный редактор, и корректор, и т. д.). А в этом издании я участвовал только как официальный рецензент. Я считаю книгу очень интересной, но это вовсе не означает, что я со всем согласен.

Сразу скажу, что словарь понятий классификации включен в книгу, на мой взгляд, напрасно. В нем собраны толкования каждого понятия классификации у разных авторов: 27 определений понятия «тип», 24 — понятия «археологическая культура», 10 — понятия «признак», 5 — понятия «класс» и т. д. Оценивать по представленному сопоставлению их пригодность совершенно невозможно, потому что каждое из них имеет смысл только в сопоставлении со всей системой понятий данного автора, только в этой системе оно имеет значение.

То есть его разумно было бы сопоставлять с другими понятиями того же автора, а не с якобы синонимичными понятиями других авторов. А так словарь показывает, какими понятиями вообще-то наделялся данный термин, и только. Это любопытно, но эту функцию словарь уже выполнил, будучи выпущен в 1000 экземпляров, еще 200 ничего не решают. Сопоставлять нужно системы терминологии, а не понятия внутри одного представляющего их термина.

Теперь о самой теоретической работе Колпакова. Начну с того, что в книге Колпакова является несомненным преимуществом перед моей книгой и перед всеми другими трудами по археологическому группированию материала — это то, что всему теоретическому рассуждению предпослана глава о сути понятия сходства. Такой главы ни у кого больше нет, и, хотя у меня были некоторые соображения о сходстве, разбросанные по книге, такой главы не было и у меня. А она совершенно необходима. Колпаков исправил это мое упущение. Я не со всеми его утверждениями по этому вопросу могу согласиться. Так, я говорил, что определить, схожи два предмета или нет, можно только при соотношении их к третьему. Колпаков возражает, что третьего не нужно: важен учет «правил игры». Но в правилах игры подразумевается обобщенный третий. Могут быть и еще частные разногласия. Но фундаментальное достижение состоит в том, что такая глава введена.

Далее (не знаю, достоинство это или недостаток), книга Колпакова более теоретична, чем моя. Я подробно разбирал конкретные примеры из археологической практики, обильно цитировал и описывал труды разных археологов, излагал их споры, поэтому, хотя вопросы рассматриваются очень сложные, а Колпаков сильно упрощает их решение, читать мою книгу, мне кажется, легче. Колпаков рассчитывает на очень умного и компетентного читателя. Он выдает мысль, утверждение в логической форме, а о применении думайте сами. Все это очень конденсировано и лишено наглядности.

Теперь перейду к тем отличиям от моей книги, которые мне представляются явно ошибочными у Колпакова. Таких отличий в основном три. Первое касается вопроса о различении классификации и типологии. Второе — о том, что В. С. Бочкарев метко назвал «натуральным рядом археологии», то есть о стандартных объектах археологии, разнесенных по уровням интеграции материала. Третье связано с вопросом о «культурном типе». Рассмотрим все три.

1. Классификация и типология. При подготовке и проведении конференций по классификации и типологии 1970-х годов, итог которым был подведен в сборнике «Типы в культуре» (Клейн 1979) и затем в монографии «Археологическая типология» (Клейн 1982; 1988; Клейн 1991), я, зная, что этим терминам придается разное значение у разных археологов, старался нащупать те значения терминов «классификация» и «типология», которые сложились в русском языке в ходе практического развития, входят в системы родственных терминов («тип», «типический», «атипичный», «типизировать» и т. д.), соответствуют нужным археологическим понятиям и имеют международные соответствия.

Я пришел к выводу, что классификация как система операций резко отличается от типизации и, соответственно, типологии. Что это то различие, которое уловили биологи и (в археологии) Дэвид Кларк. Они выразили это в понятиях монотетического и политетического строения материала. В одном материале границы резкие, нет переходов, а в другом — в сущности, нет границ, а есть континуум, в котором некие сгущения. Пока мы занимаемся служебной сортировкой материала, можно употреблять любой подход, но как только нам нужно выявить природное его распределение, вопрос о соответствии нашей методики его природному строению выходит на первый план. И тут становится ясно, что

в биологии политетическое строение преобладает, в геологии его тем меньше, чем ближе к исходным элементам, а в культурном материале чем ближе к современности, тем больше монотетических включений (стандартизованные промышленные изделия — гайки, болты, автомашины), а чем ближе к первобытности, тем безраздельнее стихия политетичности. Стало быть, здесь классификация (с ее резким разграничением ячеек, делением всего материала и т. д.) более применима к служебному группированию материала, а в исследовательском господствует типология, в которой нет четких границ, а есть идеалы, к которым тяготеют объекты, одни больше, другие меньше. Общую категорию, в которую входят классификация и типология, я называю группированием.

У типологии есть свои слабости. Например, она плохо поддается математической обработке. Приходится искусственно придавать ей свойства классификации — вводить границы ячеек (вводя критерий удаленности от идеала и т. п.). Это типологическая классификация.

Что выдвигает против этого Колпаков? Он, именуя мой подход «формальным», пишет: «Безусловно, всевозможные отличия, выдвигаемые в его рамках, приближают классификацию (я бы сказал здесь “группирование”. — Л. К.) к характеру материалов культуры. Но столь же очевидно, что сами по себе они не обеспечивают достижение существенных содержательных целей и, в то же время, не являются для этого необходимыми. Достаточно отметить, что Система элементов Менделеева, группы Федорова и систематика животных Линнея, содержательная глубина которых выдвигает их на роль эталонных классификаций... будут справедливо отнесены формальным подходом в разряд классификаций, а не типологий» (с. 153). Действительно, по характеру они классификации, но у Менделеева и Федорова это все неживая природа на уровне основных элементов, где границы очень четкие. А система Линнея как раз не признается прямым соответствием эволюции. Характерно, что Колпаков не привел ни одного археологического или этнографического примера.

Колпаков уравнивает типологию с естественной классификацией. Это неверно. Классификация болтов и гаек есть естественная классификация, но типологией от этого не становится. У типологии совершенно другие принципы группирования, другая процедура. Колпаков утверждает, что «нет каких-либо привилегированных процедур типологизования». Ну как же нет! Возьмите почти любую процедуру сериации с пиками кривой — она дает выход к типологии. А классификации она не нужна. Там проводится расклассирование по ящичкам на основе четких и однозначных критериев.

2. «Натуральный ряд археологии». В археологическом материале ныне различают разные уровни интегрированности. При группировании материала на каждом из этих уровней конкретным объектам соответствуют абстрактные понятия, в которых эти объекты общаются и отражаются. Артефакт, вещь — это конкретный объект. Отражение его в группировании — тип и класс. Уровнем выше — другие конкретные объекты: комплексы. Их обобщение и отражение в группировании — археологические культуры (их звали еще и цивилизациями). Культуры и типы первыми вошли в археологическое группирование, уже в последней четверти XIX века. Во второй четверти XX века к ним прибавился снизу уровень признаков, хотя вначале было не совсем ясно, какой уровень конкретных объектов археолога в них отразился.

К концу третьей четверти XX века у меня сложилось представление о некоей системе соответствий, так сказать, «натуральном ряде археологии», в котором у меня поначалу было тоже три уровня, соответственно общему тогда представлению — признак, тип, культура. Однако, продумывая этот «ряд» и сопоставляя с ним различные выступающие в практике классификации и типологии, я стал

все больше расширять этот ряд, вставляя все новые уровни и все новые виды теоретических соответствий (*абстрактов*) конкретным объектам (*конкретам*). В конце концов, к 1991 году у меня оказалось в этой таблице (Клейн 1991: 218, рис. 25, у Колпакова рис. 4 на с. 197) семь уровней. Это (вверх по усложнению интегрированности) *след, фрагмент, деталь, артефакт, стратема, комплекс, памятник*. След — это элементарный с точки зрения археолога конкретный объект изучения, дающий минимум информации. Фрагмент — дает уже больше, и очень часто является объектом изучения археолога. И так далее.

Соответствующие этому ряду абстракты суть: *черта, мод, мерон, тип, хро-нема (горизонт или вереница), культура, секвенция (культурная формация)*. По своей близости реальному значению абстракты бывают трех видов — *эмпирические, культурные и условные*. На каждом уровне я постарался подобрать удобные обозначения. Скажем, на низшем уровне (следа и черты) эмпирический абстракт — *свойство*, культурный — *признак*, условный — *статья* (последнее не очень удобно, но лучшего я не нашел).

Колпаков считает, что нужно вернуться к двум уровням: «Первый — это уровень артефактов и типов, второй — уровень свойств и признаков» (с. 99). На самом деле, судя по его главам, у Колпакова три уровня — еще и уровень культур. Он мотивирует свое ужимание так: «Меч, очевидно, расчленяется на две детали: клинок и эфес. Эфес, в свою очередь, расчленяется на перекрестие, или гарду, рукоять и навершие. И перекрестие, и рукоять, и навершие расчленяются еще на детали... Видимо, нет смысла во введении универсальных уровней расчленения». Однако этот же прием можно примерить и к культурам: мы говорим о культуре ямочно-гребенчатой керамики, но также и о составляющих ее волосовской, балахнинской, карельской и др., а можно и в них выделить еще более дробные культуры. То же творится с катакомбной культурой. Но уровень культур все же Колпаков на деле сохранил.

Какие бы ни были соотношения объемов между культурами и их взаимная иерархия, всё это культуры, они отличаются по целому ряду качеств от типов или признаков, и по своей связи с конкретными — комплексами. То же самое можно сказать и о деталях. Они могут различаться по объему и входить друг в друга, но всё это детали, и они отличны от фрагментов и целых артефактов по информативности. У Мальмера, например, детали занимают существенное место в усовершенствовании типологического метода, выступая вместо целостных артефактов.

Я ввел, скажем, фрагменты как самостоятельный уровень потому, что есть целые классификации и типологии, построенные почти исключительно на одних фрагментах. Таков, скажем, подъемный материал археологов. С ними связаны иные абстракты, с иной информативностью.

Именно качественно различные уровни я выделил. Для меня важна была применимость моих построений и понятий к практической археологии, а не абстрактные рассуждения о том, что вообще можно или нельзя с ними делать.

Есть ведь и более радикальные предложения — обойтись одним уровнем: работать только с признаками (Мовиус, отчасти Бинфорд). На мой взгляд, это обеднило бы наши возможности. Не стоит упускать возможности их обогатить.

3. «Культурный тип». Термин и отчасти понятие я заимствовал от Уолтера Тэйлора, но сильно его изменил, что и отмечает Колпаков (с. 108–110). Если подразумевать в понятии типа наличие некоего особого неформального содержания, то «на эту сторону понятия тип,— считает Колпаков,— существуют две противоположные точки зрения». Одна — что корреляцией можно выявить эмпирически выступающие устойчивые сочетания признаков (*эмпирические типы*),

которые могут соответствовать тому, что заложено в объект его создателями, а могут и не соответствовать (скажем, расположение царапин на капоте автомашины). Специальными процедурами можно продвигнуться к тому, что заложено, что несет культурный смысл (*культурные типы*). А вторая точка зрения — что тип вообще создается исследователем для наложения на материал и удобства выявления и измерения его качеств, что это инструмент исследования (*условный, или инструментальный, тип*). Колпаков склоняется к этой второй точке зрения. Я-то полагаю, что от этих условных типов также возможно продвижение к культурным типам и что основных разновидностей типов, с которыми мы имеем дело, не две, а три: эмпирическая, условная и культурная. Я это обосновывал подробно в «Археологической типологии», повторяться нет смысла.

Есть смысл рассмотреть, что же побуждает Колпакова отказать от понятия «культурный тип». Колпаков признает, что рассуждения, ведущие к ориентированности на культурный тип, «выглядят очень логично. Однако, — продолжает он, — существует ряд обстоятельств, настолько осложняющих описанную картину, что применение концепции культурного типа в археологии становится весьма проблематичным» (с. 11).

Во-первых, не все предметы изготавливаются по имеющимся мысленным шаблонам. Колпаков не отрицает, что такие шаблоны существуют, он лишь ссылается на то, что не все легко научаются ими пользоваться, стало быть, должно найтись много отступлений от них. Верно. А статистика на что? Вот тут-то и пригодится типология в отличие от классификации.

Во-вторых, нормы нередко предписывают форму, конструкцию и дизайн не всего артефакта, а лишь его определенных деталей и характеристик. Что ж, и это возможно, но тут и пригодятся мои разработки различных уровней «натурального ряда археологии».

В-третьих, Колпаков спрашивает, как отличать от таких мысленных шаблонов то, как сами первобытные люди классифицировали свой материал. Ну, это возражение вообще не ко мне. Это к «когнитивной антропологии». Я не признаю это реальной и достойной целью археологии. Это ведь изучение не их деятельности, а их способов и уровня познания. Археология может давать для этого лишь косвенные аргументы.

«Однако все это, — признает Колпаков, — затрудняет, но не исключает возможности выделять культурные типы и работать с ними. Главные возражения против концепции культурного типа в археологии заключаются в другом». Культурные типы, по мнению Колпакова, не помогают решить задачи по познанию археологического прошлого. «Культурные типы могут оказаться и часто оказываются малоэффективными в исследованиях» (с. 112). Колпаков указывает четыре причины этого, сказывающиеся в четырех случаях.

Во-первых, «когда культурный тип характеризуется непрерывной изменчивостью... существует длительный период времени и занимает обширную территорию». Тут, считает Колпаков, действуют только условные типы. «И эти условные типы оказываются научно значимыми в отличие от культурных типов». Простите, почему? Колпаков явно путает тип и класс. Условные ячейки бывают научно значимыми, я это подробно показывал на примере Мальмера, но никаких ограничений на выявление культурных типов не накладывают ни территория, ни время, ни континуум. Откуда он взял эти ограничения?

Во-вторых, «когда культурный тип имеет слишком расплывчатые границы». А это с какой стати? Никаких ограничений не накладывает и размытость границ. Тип всегда имеет размытые границы. Опять путаница типа с классом.

В-третьих, когда культурных типов в данном материале не существует. Ну, это затруднение для классификации, а типология легко с этим мирится. Отсутствие типов есть также научный результат. В этом случае используются для измерений условно нарезанные классы. Я ведь, в отличие от Колпакова, признаю пригодными все три формы исследовательских ячеек, каждую в соответствующей ситуации.

«Наконец, в-четвертых, когда культурные типы по самой своей природе не могут быть полезными в познании тех или иных аспектов прошлого. Например, значительный ряд типов артефактов встречается в разных обществах прошлого и, следовательно, не может служить для установления того, какие именно археологические памятники оставлены тем или иным древним обществом» (с. 113). Ну, во-первых, такое широкое распространение (если это культурный тип!) сам по себе интересный факт, и надо выяснять, в чем причина такого распространения. Это интересная исследовательская задача на основе культурного типа. Во-вторых, есть вообще уйма задач, которые не решаются ни культурными типами, ни типами вообще, ни археологией вообще! Ну и что?

Все эти четыре главных фактора столь же бездоказательны, как три неглавных. Я вижу тут только личный скепсис Евгения Михайловича по отношению к эмпирическим и культурным типам и его личное тяготение как исследователя к типам инструментальным. Ничего сверх этого. Я имею все основания остаться при своем убеждении, что все три разновидности исследовательских ячеек применимы в археологическом группировании и что археолог в своем исследовании все-таки должен пробиваться к культурным типам.

К культурным типам у Колпакова есть еще и терминологическая претензия. Он пишет: «...в чем реально проявляется в археологии “культурность” культурных типов? Она реально проявляется в увязке типов с хронологией, локализацией, социальной стратификацией, конкретными обществами прошлого и т. п. Именно это и доказывает, что археологические типы культурно значимы». — Ну, в этом Колпаков повторяет мои соображения. Но добавляет: «Но при строгом подходе здесь все же корректнее говорить не столько о культурной, сколько о научной значимости типов» (с. 114). Да нет, археология все же познает общество главным образом через его материальную и материализованную духовную культуру.

Коль скоро Колпаков отказывается от понятия «культурный тип», он, естественно, не принимает и мою стратегию группирования, построенную на продвижении к культурным типам, и все прочее, с этим связанное. Отдельно рассматривать эти вопросы не имеет смысла. В то же время я должен с благодарностью признать, что в книге Колпакова приняты и развиваются многие мои положения, что приняты им даже те мои разработки, на скорое принятие которых я не надеялся. Скажем, многие мои понятия и термины, связанные с детализацией разных аспектов археологической культуры (термины «пленум», «касса» и т. п.).

Остается еще раз пожалеть, что книга издана таким крохотным тиражом и очень уж серо. Возможно, соавтор блестящего капитального тома о петроглифах Канозера может себе позволить не заботиться о том, как выглядят его соображения о классификации, но можно сказать и иначе: его теоретические соображения как раз и заслуживают более презентабельного издания, да и более продуманного представления читателю.

Литература

Клейн Л. С. 1979. Понятие типа в современной археологии // Клейн Л. С. (ред.). Типы в культуре. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 50–74.

- Клейн Л. С. 1991. Археологическая типология. Л.
- Клейн Л. С. 1998. Археологическая культура: теоретический анализ практики (вместо рецензии) // РА 1, 187–193.
- Клейн Л. С. 1999а. Познанский труд по теории классификации и типологии // *Archaeologia Petropolitana* 3, 28–32.
- Клейн Л. С. 1999б. Философия классификации и археологическая практика в книге Адамсов // SP 2, 368–372.
- Клейн Л. С. 2000. Типология в связи с модерном (по поводу книги Велиндера, 1991) // SP 2, 584–589.
- Клейн Л. С. 2005. Работы по классификации и типологии в отечественной археологии на рубеже тысячелетий. Запоздалая рецензия // SP 2, 439–450.
- Ковалевская В. Б. 1995. Археологическая культура — практика, теория, компьютер. М.: Фонд археологии.
- Колпаков Е. М. 1991. Теория археологической классификации. СПб.: б. и.
- Колпаков Е. М., Бочкарев В. С. (ред.). 1990. Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. М.: ИА АН СССР.
- Холюшкин Ю. П. 2010. Системная археология. Учебное пособие. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та.
- Холюшкин Ю. П., Гражданников Е. Д. 2000. Систематическая классификация археологической науки (элементарное введение в системное науковедение). Новосибирск: ИДМИ.
- Щапова Ю. Л. 2000. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению археологического материала. М.: Изд-во Московского ун-та.
- Adams W. Y., Adams E. W. 1991. *Archaeological typology and practical reality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Klejn L. S. 1982. *Archaeological typology*. Oxford (BAR IS153).
- Klejn L. S. 1988. *Arheoloska tipologija*. Ljubljana: Studia Humanitatis.
- Minta-Tworzowska D. 1994. *Klasyfikacja w archeologii jako sposob wyrazania wyników badan, hipotez oraz teorii archeologicznych*. Poznan: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza.
- Welinder S. 1991. *Humans and Artifacts: An essay on typology, complexity and multi-dimensional statistics in 19th and 20th century archaeology*. Oslo: The Norwegian Computing Centre for the Humanities.

Ответы Л. С. Клейна на вопросы

Яншина О. В. Не кажется ли вам, что у вас типология это метод, а у Колпакова классификация — это результат, а по сути вы говорите об одном и том же?

— Нет, мне так не кажется. В обоих случаях задействованы и методика, и результат. Но процедуры это разные, обе невозможно отделить от метода или результата. Я старался приладиться к действующей русской терминологии, их стихийно обозначающей. Объясните, например, термин «атипичный». Он приложим только к типологии.

Колпаков Е. М. Сформулируйте, чем типология отличается в вашем представлении от классификации.

— Классификация подразумевает четкие границы ячеек, весь материал раскладывается как бы по ящичкам каталожного куба, каждый предмет может попасть только в один ящичек, ни один предмет не может угодить сразу в два ящичка. В типологии же мы выделяем те идеалы, к которым стремятся сгущения в материале. Тут нет четких границ, и есть вещи, которые по одним признакам стремятся к одному идеалу, по другим — к другому. А есть которые ни к какому наличным идеалам не подходят — атипичные. Типология и классификация служат разным целям.